

Вторую зиму разносит почту по трем маленьким поселкам Вера Липатина. Расположены они друг от друга совсем недалеко. В радиусе одного километра. В поселке, где находится почта, живет Вера с матерью. Там добросовестно день и ночь работает десопильный завод. А в двух других, совсем крохотных, живут геологи. В каждом из них по два-три жилых домика на станции, столовая, баня. А вокруг поселков расположены буровые вышки.

Вера идет с сумкой на плече. Почта невелика. Главным образом, газеты и журналы. Дорога тянется меж заснеженных лесов. Сосны и березы попеременно стоят стеной. Огромные ветки осторожно держат снеговые узоры. Изредка какая-то птичка прыгнет по ветке, и тогда серебристым дождем сыплетесь снег сверху.

На спуске со взгорка виднеется поселок. Лес расступается.

Несколько барakov двухквартирных. Они низкие, с плотными снеговыми завесами на крышах. Вера издала распознала Матрену Тимофеевну, жену одного из геологов. Женщина снимала с веревки промозглую беле, складывала его на снег у крыльца. Подожди блинче. Вера услышала металлический звон смерзшихся рубаш, простынь, наволочек. И от этого звона сразу же почувствовала, как она замерзла за дорогу.

Женщина увидела Веру, признала ее, всплеснула руками, пошла навстречу:

— Голубушка мидял, озябла на нет! Ну, пошли, пошли в избу. Морозюка-то какой вдарил. И откуда взялся!

В комнате тепло, чисто, так бы сидела и не выходила на улицу. Матрена Тимофеевна включила плитку, поставила чайник. Вскоре на столе задымился чай в больших фарфоровых чашках, появилось неизменное варенье из голубики.

— Пей, Верочка, отогревай душу. — Матрена Тимофеевна присела напротив Веры, смотрит, как та пьет чай, подкладывает ей варенья в чашку и продолжает: — Зачем в такой мороз ходить? Могут быть попутчики — передала бы. И обморозится недолго. Успелось бы...

Но, говоря такое, она не могла скрыть радости и нетерпения. Она знала, если Вера не прошла мимо ее дома, то наверняка ей письмо. И Вера это понимала. Она дотянулась до сумки, достала из нее конверт

с большой цветистой маркой и протянула его Матрене Тимофеевне.

— Опять вам от дочки. Адрес иркутский...

Вера потихоньку прихлебывала чай из чашки, прислушивалась к тиканью будильника, поглядывала на хозяйку и думала о ее дочери. Она учится в Иркутске уже на четвертом курсе. Думала и немного зави-

«Интересно получается в жизни, — рассуждает Вера, — Люди живут в разных концах страны, а знают друг о друге многое. И все через посредство писем». И она, Вера Липатина, среди людей является как бы связующим звеном.

Поселок Вершинка виден издали. Три барака выстроены в один ряд, с телевизионными антеннами на крышах. Снегу у

лучше приходится с добрыми вестями.

Но что случилось? Где она? Почему пол ушел из-под ног? Открыла глаза, а далеко внизу смеющееся, бородатое лицо Климова.

— Да знаешь, что случилось на нашей земле?! Да это же радость стодульная! Да это же... Да это...! Сын! Сын!!!

Климов опустил Веру на пол, сам закружился по комнате неуклюже, что медведь. Вера не выдержала, расхохоталась, а у самой слезы от радости за Климова.

— Ты скажи, Ве-ер, много ли три семсот? Да, конечно, же много! Богатырь! Ишь ты, три семсот!

Климов остановился среди комнаты, еще раз перечитал телеграмму и, взглянув на Веру, с тревогой спросил:

— А как назвать-то? Мы и не согласовали с Таней. Как думаешь, Вера?

— Мне Серезки нравятся, а вам не знаю, — смущенно предложила Вера и про себя подумала: «Я бы назвала, конечно же, Серезей».

— А что, звучит, Серезка! Буду предлагать Танюше. А теперь шампанского!

— Не ет. Я не пью и мне домой пора. И рада за вас.

— Домой? Она торопится домой?! Пешком? Нет уж, сегодня ты не пойдешь пешком!

Климов подождал к телефону, крутил ручку, снял трубку и закричал:

— Пашка? Слушай ты, дубина-стоеросовая: на нашей одной шестой части планеты появился новый человек! Да, еще одним человеком пополнилась наша земля! А теперь вот такие пироги: немедленный заводь свою «амбу» и ко мне. Доставкай домой Веру... Да-да, та самая... Да-а...

Климов повесил трубку на рычаг, достал из шкафа шампанское, выстрелил пробкой в потолок, разлил по стаканам: — За нового человека, Вера! И вообще, за всех добрых людей на земле!

В дверях появился Пашка. Он был в распахнутом полушубке, в большой мохнатой шапке. Улыбался во весь рот. Облапал Климова, подошел к Вере и ласково сказал:

— Вот удача. Разве выпал бы другой случай вас довести? Спасибо новому человеку! Большое спасибо!

— Так вы знакомы, черти?! — взревел басом Климов.

— А кто с почтальоном не знаком? — засмеялся Павел и незаметно для Климова подмигнул Вере.

— Ну и отлично! — гаркнул Климов, обнимая Пашку и Веру.

НЕСТИ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ

РАССКАЗ

двала. Самой Вере учиться не пришлось. Мать часто хворает. Недуг у нее давний. Живут они с матерью вдвоем. Все заботы по дому лежат на плечах Веры. Но учиться, конечно, надо. Показуй, этим летом отправит документы в техникум связи. Но только на заочное отделение...

— Да что же это получается? Господи. Ну, как же так?

Матрена Тимофеевна сокрушенно уронила руки на колени, откинула голову назад и закрыла глаза. Вера испуганно взглянула на хозяйку, поставила чашку на стол, спросила:

— Что случилось, Матрена Тимофеевна? Весть нерадостная?

— Собирается замуж... — Матрена Тимофеевна глубоко вздохнула и сделала скорбное лицо.

— От судьбы да любви не уйдешь, — только и нашлась что сказать Вера в утешение. И то потому, что слышала эти слова от заведующей почтой Валентины Ивановны. Матрена Тимофеевна ничего не ответила на слова Веры и сидела печальная, задумчивая. Блестели слезы. Она их не утирала.

Вера засобиралась. Знала, что если Матрена Тимофеевна заплачет, то она не выдержит, разревется. Да и время не ждет. Надо еще дойти до Вершинки и снести телеграмму Федору Климову. А день уже далеко на второй половине. Не успеешь осмотреться, и темень наступит.

Мороз крепчал. Ресницы сразу же опушились инеем, глаза заслезнились. Вера прикрыла лицо рукой, чтобы оно привыкло к морозу, и прибавила шаг. Снег под ногами коротко и резко взвизгивал. Небо по-прежнему низкое, хмурое и скучное.

баракoв немного. Ровная, широкая площадка свободно продувается ветрами, так как поселочек стоит на угоре. Потому он, видимо, и называется вершинкой. За поселком хозяйственные постройки: склады, гараж, мастерские. Здесь геологи расположились более капитально.

Вера постучала в чуждую квартиру, не надеясь застать хозяйку, уже собиравшая пойти к соседям передать телеграмму, как за дверью раздался рокочущий бас:

— Да, да! У нас открыто!

Вера вошла в комнату, и Климов сразу же сказал:

— Мы не буржуи, закрываться не имеем привычки. Здравствуй, милая Верочка. С чем добрым пожаловала?

— Не знаю: доброе или недоброе. Вот телеграмма.

Климов отступил перед девушкой, пропуская ее в передний угол и показывая рукой, чтобы она села. Перед ней стоял высокий, широкий в плечах, с коричневой извитой бородой молодой мужчина. Лицо широкое, улыбочное, глаза веселые, глубоко утоплены, словно бы запутаны в густых, рыжих бровях. Все его колоритную и красивую фигуру портил сизый шрам на правой щеке. Он будто приклеен.

— Вот здесь распишите, — показала Вера в тетради.

— Добре, добре. Мы это за просто. Вот так. Видишь, какая завитушка? Хоть на червонцах расписывайся. Ну, увековечил я свою фамилию. Посмотрим...

Вера подняла глаза на Климова и замерла. Она видела, как побагровел, задергался шрам на щеке. Вера смалась, ожидая беды. Сердце застучало тревожно и обидливо: почему ей приходится приносить людям огорчения? Ведь куда

652440, п. Крапивинский, ул. Советская, 6. Телефоны: ре-...